

ИСКУССТВО ВОЛНОВАТЬ

Завтра отмечается Международный день театра. Его нынешний девиз подчеркивает роль театрального искусства в установлении дружеских взаимоотношений и мира между народами. Ниже печатаем беседу нашего корреспондента, кандидата искусствоведения В. ГАЙДАБУРЫ с главным режиссером театра имени Н. Шорса, народным артистом СССР В. ГРИПЧИЕМ.

— Владимир Григорьевич, невообразимо широка творческая панорама советского театрального искусства. В одной только нашей республике работает более семидесяти театральных коллективов. Не скрыта ли в этом обстоятельстве угроза «поглощения» отдельного театра, его безвестности?

— Широкая сеть театров в стране — это великое завоевание советского народа. Вспомним, что лишь за десять лет до революции на Украине с большим трудом удалось открыть единственный стационарный театр — театр Садовского в Киеве. Сейчас в каждом областном центре есть свои сцены — оперные, балетные, драматические, ютюзские...

Ну, а вопрос известности, популярности того или иного коллектива зависит от уровня его мастерства, самобытности, определенных открытий.

К. Станиславский говорил: «Существует какая-то минимальная норма художественного во всяком искусстве, в том числе и в нашем. Только начиная с этой нормы оно приносит ту возвышающую людей пользу, ради которой существует театр».

Как видите, есть определенный качественный критерий, ниже которого театр не имеет права опускаться, ибо ниже его начинается голое ремесло, «фальшивая монета» искусства. Что же касается движения по восходящей, то театр, ставший перед собой такую задачу, должен занимать внутри

сегодняшних театральных процессов свою собственную илеиную — эстетическую позицию. Это нелегко. Многим мешают и сбивают их с толку театральная мода. Иной режиссер, не считаясь с традициями и возможностями своего театра, внедряет в нем спектакли «под Любимова», «под Эфроса», «под Товстоногова»... Маски меняются. Всендальность мстит беззастенчиво, потерей собственного стиля.

Подобное «списывание» еще чаще наблюдается в репертурных поисках. Получился в одном театре «Ричард III» В. Шекспира или «Дядя Ваня» А. Чехова и называть костюмы к этим спектаклям срочно будут шить в других театрах. А ставить здесь их, может быть, сверхискусствованно. Свои же пьесы, нужные, обогащающие театр и воспитывающие человека не замечают.

— Не стану спрашивать, имеет ли театр имени Н. Шорса свое творческое исердо. Пятидесятилетняя история коллектива утвердительно ответила на этот вопрос. Ряд первооткрывателей свидетельствует о высокой идивидуности, серьезных репертурных поисках театра — «Сталевары» Г. Бонярева, «Золотая карета» Л. Леонова, «Бессмертие» А. Доенко... Как сегодня коллектив и вы, Владимир Григорьевич, художественный руководитель, понимаете задачи героико-романтического театра?

— Наше театроведение в своих теоретических определениях, по-моему, отстает

от практики сцены. Все украинские театры по инерции причисляются к коллективному героико-романтическому направлению. Вряд ли это точно для сегодняшнего дня. Вот и в практике Киевского театра имени И. Франко наметилась иная стилистическая линия. На недавних гастролях в Москве франковцы показывали «Украденное счастье» И. Франко, «Дядю Ваню» А. Чехова и «Дикого Ангела» А. Колумбица. Можно говорить об аналитическом психологизме этих программных постановок, но уж не о романтизме и героике.

О романтизме много спорят. Иные считают его пережитком, недостойным соседствовать с интеллектуальным в искусстве. Думаю, в основе такого мнения лежит глубокое заблуждение. Как современно и воинственно звучит в этой связи суждение Марины Цветаевой: «Когда вам будут говорить: «Это романтизм», вы спросите: «Что такое романтизм?» и увидите, что никто не знает, что люди берут в рот (и даже дерутся ими! и даже плюются! и запускают вам в лоб!) — слово, смысла которого они не знают. Когда же окончательно убедитесь, что не знают, сами отбачайте бессмертным словом — Жуковского: «Романтизм — это душа».

Без души, без возвышающих чувств, без смеха и слез, без потрясения я не мыслю театра. С таким пониманием эстетических задач я подхожу к каждой своей новой постановке. Конечно же, понятие романтического, героико-романтического эхочас. Надо находить и в рамках этого понятия новые,

современные формы спектакля. В моих постановках героика и романтика зачастую находят обостренную публицистическую и даже плакатную форму. Но внутри публицистической эстетики непременно должен действовать психологический заряженный артист. Его внутренняя техника должна быть по особому точной и меткой. Так, например, сделана последняя постановка «Як сходило сонце» И. Микитенко, посвященная 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Сейчас приступак к работе над сценическим воплощением инсценировки «Незрелая любовь» по поэмам А. Малышко — к 35-летию Победы.

Современная джазовая музыка способна прекрасно выразить не только тему любви, но и мужественного патриотизма. Мы идем по этому пути. И предвзяты выходы критиков, скажу, что традиции героико-романтического спектакля обогащаются и видеоизменяются в моей постановке насыщением формами современной эстрады. Нынешний театр гибок в использовании выразительных средств. Он не безразличен к опыту литературного, кино, телевидения, концертной площадки...

— Международный день театра — это праздник не только работников искусства, но и зрителей. Каково ваше мнение о сегодняшнем взаимоотношении зрителей и театра?

— Аксиома, что нынешний зритель стал более избирательным и требовательным. Именно его возросший вкус, информированность во многом стимулируют творческую энергию театров.

Но часто мы встречаемся и со зрителем эстетически неподкованным. И тогда готовим своеобразные атаки на него. Несколько лет подряд шаршорны систематически занимают театральным образованием школьников, учащихся профессионально-технических училищ. Впечатления от спектакля дополняются беседами об искусстве, творческих встречах с артистами, тематическими конференциями, обсуждениями увиденного и пережитого.

Замечу, что повсеместно возрос интерес к «неагитмированному» актеру, его личности, гражданскому содержанию. И когда наши артисты как шефы школ приезжают к учащимся, эти контакты во многом предопределяют будущую зрительскую активность наших юных друзей.

Хочу отметить замечательное обстоятельство, которое, конечно, существенно повлияло на рост театральной культуры нашего города, — открытие театра юного зрителя. Уже первые его спектакли — «Драматическая песня» Б. Равенских, А. Анчарова, «Привет, синичка!», Я. Стельмаха доказали жизнеспособность режиссуры актеров коллектива, умение вести диалог с детьми и подростками. Уверен, что впереди у этого театра — яркие постановки и большая любовь детворы.

А если учесть еще огромную воспитательную, эстетическую работу, проводимую Запорожским театром кукол, то перед нами — завершенная цепочка, в которой соблюдена возрастная последовательность воспитания любви к театру.

В улаблении этого процесса, в возможности появления в Запорожье со временем новых театров, я вижу радостную перспективу культурного роста запорожцев.